

The book cover features a vibrant, stylized illustration. On the left, a character with long, flowing, multi-colored hair (purple, blue, and red) is depicted in profile, wearing intricate, scale-like armor. The character's hands are clasped in front of them. The background is a deep blue night sky filled with stars and a large, glowing yellow moon. In the lower right, a tall, slender, illuminated tower with a pointed spire rises against the sky. The overall style is reminiscent of classic pulp magazine covers, with bold lines and a rich color palette of purples, blues, and yellows.

Л. Э.
ХАРПЕР

смени
перо
на меч

†
Ивей
Любимых
†

18+

Л. Э. Харпер
Убей любимых
Серия «Путь Героини.
Героическое ромэнтези»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73957622

Убей любимых: Эксмо; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-247398-2

Аннотация

«Солера охвачена войной, и только Кайла Старблэйд может положить ей конец. Заручившись помощью верных друзей и могущественных драконов, она кидает вызов коварному злодею и идет навстречу неизвестности».

Классический сюжет, верно? Но когда я по волшебству попадаю в мир своей книги и оказываюсь в теле главной героини, все становится куда сложнее. Я знаю все то, что знает Кайла. Я знаю даже больше: как устроен этот мир, когда нападёт враг, кто может погибнуть... Ведь я сама это написала, прячась от мучительной депрессии в мире фантазий.

Я никогда не верила в хеппи-энды. Но, возможно, судьба даёт мне шанс переиграть финал этой истории? Пусть я совсем не Кайла, но теперь жизнь любимых героев, моей вымышленной

семьи зависит только от меня. Самое время сменить перо на меч и сразиться с тьмой – не только в этом мире, но и в своей душе.

Уникальное фэнтези о магии, драконах... и собственных демонах.

Невероятная психологичная история о поисках света во тьме и надежде.

Новый взгляд на классический сюжет об Избранном.

Красивейшее оформление от популярной художницы Hell Alka.

Содержание

Предисловие	7
Предупреждение	9
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Л. Э. Харпер

Убей любимых

L. E. Harper

Kill your Darlings

* * *

Copyright © Shivnath Productions, 2022

© Н. Тигровская, перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2026

* * *

*Посвящается тем, кого я не смогла спасти:
Медузе, Скайло и Орео.*

Предисловие

Хотя в этой книге немало фантастического, в ее основе лежит истина. В ней я говорю о самом сокровенном – о том, чем отнюдь не горжусь; о том, что, как мне казалось, способно скорее навредить, чем принести пользу, будучи сказанным вслух. Долгие годы я страдала от депрессии. На этих страницах вас ждет – бок о бок с драконами и магией – хроника того, как я опускалась на самое дно. Вы столкнетесь с мрачными и порой ничем не прикрытыми описаниями психических расстройств, в том числе – отвращения к себе и самоповреждения. В голосе рассказчика вы услышите недобрые ноты, потому что голос депрессии извращает истину и настраивает говорящего против него самого. Я знаю, что подобные вещи могут ранить людей, которые так же, как и я, бились об это дно лишь для того, чтобы провалиться еще ниже, в новые бездонные глубины. Это предупреждение написано с тем, чтобы помочь вам решить, хотите ли вы читать такую историю. Несмотря на то, что моя книга погружает во тьму и заставляет вглядываться в помыслы рассказчика, ведущие к суицидальным идеям, в конечном счете это история надежды. Когда я читаю написанные мною слова, они напоминают мне о том, что я – больше, чем тьма внутри меня; больше, чем вся масса моих ошибок; больше, чем вся перенесенная боль. Я начинала писать «Убей любимых» как при-

знание в любви себе самой, когда мне казалось, что больше никто в мире меня не любит; но потом я отточила эту историю и многое в ней пересмотрела и поменяла в надежде на то, что она сможет послужить и признанием в любви другим людям, страдающим от того же, что пережила я сама. Я писала в надежде на то, что разговоры на подобные темы смогут проторить дорогу к тому, чтобы их перестали стигматизировать. Я подробно изложила свой путь и свои чувства в надежде на то, что другим людям станет не так одиноко. Я описала свою внутреннюю борьбу в надежде на то, что однажды ко всем подобным битвам будут относиться с пониманием и добротой, а не с безразличием и пренебрежением. Как и представители любой общности, все люди с депрессией – разные. Мой путь может не походить на ваш. Я рассказала свою правду, как смогла; это единственное, что всем нам остается. Но если мы с вами похожи, если ваши расстройства так же лгут вам, искажают вашу действительность и отнимают радость, то знайте – моя книга написана для вас. Я представляю, с чем вы боретесь, и верю: вы можете победить.

Со всей любовью,

Л. Э. Харпер

Предупреждение

Книга содержит описание психических расстройств, включая депрессию, тревожность, суицидальные наклонности и самоповреждение. Также в тексте присутствуют взрослые темы и лексика, жестокость и смерть персонажей.

Глава 1

Забвение – занятная штука. Инстинкт заставляет людей страшиться этой бездны, но вот я в ней – и все не так уж плохо. Меня поглощает тихая пустота. Меня окутывает холодная тьма.

На миг, на вечность, я пропадаю.

С самых окраин моего полубессознательного разума сочатся ощущения, и я чувствую слабый медный привкус на языке. Шершавые льняные простыни касаются моей щеки. Воздух полнится пьянящим ароматом земли, пропитанной дождем. Когда отдаленный рев разносится, подобно громовым раскатам, над пустынными равнинами, мой мозг пробуждается к жизни.

Это сон, и я знаю его наизусть.

По моим венам разливается жар, едва я понимаю, что происходит. В юности я трудилась без усталости – и это не шутка, – чтобы добиться осознанности сновидений. Я вела дневники, использовала мнемоники, соблюдала распорядок проверок на реальность. Теперь осознанные сны – моя вторая жизнь. Мой мозг жаждет этой свободы.

Изголодавшись по счастью в обыденном мире, он чувствует возможность сбежать и хватается за нее.

Сон уплотняется вокруг меня, будто кокон. Я вытягиваю себя из темноты, предвкушая ночное приключение. Тревога

разжимает тупые когти, никогда не отпускающие мою грудную клетку. Я всем нутром чувствую новый, чудесный мир и устремляюсь ему навстречу, а в душе моей воцаряется покой.

Покой. *Счастье*. Я могла бы до скончания веков гнаться за этими чувствами в настоящем мире и ни разу даже не приблизиться к ним; здесь до них всегда легко дотянуться.

Моя рука блуждает под истрепанным покрывалом и находит теплую ладонь. Я провожу по мозолям на ней большим пальцем и улыбаюсь. Раз Вален со мной, этот сон будет хорошим.

Он *явно* будет хорошим. Я вернулась в свое любимое место. Я чувствую пульс каждого дерева, я знаю историю каждого камня и потаенные желания каждого существа. А как иначе? Я создала их. Это мой сон, моя вселенная. И когда я осознаю это, я могу ей управлять.

Люди в настоящем мире, в обыденном и печальном мире, говорят, что писатели подвержены комплексу бога. Мне трудно не согласиться.

Наслаждаясь образом своего вымышленного мира, я улавливаю дымный аромат древесины, сгорающей в сигнальных кострах. Это значит, что мне снится одна из моих военных кампаний. Хвойные нотки в запахе дыма подсказывают, что я на северо-западном побережье.

Странно. Не припомню, чтобы когда-нибудь чувствовала во сне запахи. Впрочем, может быть, я просто забываю. Мо-

жет быть, ощущения утекают после пробуждения, как песок сквозь решето.

Моя главная героиня, Кайла Старблэйд, – в чьем теле я обитаю всякий раз, когда мне снятся мои фэнтезийные романы, – сражается на переднем крае в самой масштабной и опасной битве Войны Теней. Исходя из всего, что подсказали мне чувства, я делаю вывод, что наступает день после того, в который наше войско освободило занятый Тенью город Вестпорт.

Я прибыла к началу пятого и последнего тома своей серии книг. Неудивительно, ведь эта незаконченная рукопись занимает большую часть моих будней, не давая покоя. Я от нее не в восторге. Как и мой издатель.

Нет уж. Не думай об этом. Сосредоточься на сновидении. Наслаждайся счастьем, пока это возможно.

Словно по сигналу, пальцы Валена приходят в движение. Переплетаются с моими, и я открываю один глаз, чтобы взглянуть на него. Меня затапливает нежностью, вымывающей все мрачные и тревожные мысли.

Он совершенен.

О, я наделила его и слабостями, и долей пафоса. Он самодостаточен и преследует собственные цели. Объединение всех наших сил в Смертный Союз? Идея Валена. Победа в Вестпорте? Достижение Валена. Три с половиной книги ожидания первого шага со стороны Кайлы? Да, это Вален Штормкрест, вопиющий идиот и первоклассная булочка с

корицей.

Крошечные бусинки пота поблескивают на его смуглой коже. Обнаженная грудь вздымается от спокойных, размеренных вдохов. Смоляные волосы обрамляют скульптурное лицо, растрепанными волнами ниспадая на благородный лоб.

Говорят, что невозможно представить человека, которого ты не видел. Каждое случайное лицо в сновидениях – это лицо кого-то, когда-то и почему-то высеченного в твоей памяти. Мозг шерстит каталоги и населяет твои ночные видения настоящими людьми.

Вот только я уверена, что никогда не встречала никого, подобного Валену. Эти высокие скулы, длинный нос, точеный подбородок, – я бы *запомнила* такого человека. В настоящем мире нет людей настолько незаурядной внешности. Когда он поворачивается ко мне и распахивает сияющие серые глаза, живые и изменчивые, словно грозовая туча, у меня перехватывает дыхание.

– Кайла. – Он сжимает мою руку. – Ты здесь.

– Где же еще мне быть? – Попытка изобразить кокетливый тон с позором провалена.

– Обычно ты исчезаешь перед рассветом.

Верно. Кайла – порой немножечко дура. Она не сильна в общении и сама создает себе проблемы. Это годится для увлекательных историй, но сейчас я на драму не настроена. Ее у меня в реальной жизни с избытком, спасибо огромное.

– Хотелось бы мне остаться здесь навсегда, – шепчу я.

Даже едва заметная, сонная улыбка полностью меняет облик Валена. Он прижимает руку Кайлы – мою руку – к груди.

– Если бы только мы жили в мире, где это возможно. Но солнце взошло, и нам пора побеждать в войне.

Да, Смертный Союз отчаянно старается спасти мирных жителей от жестокой расправы со стороны захватчиков; но во сне я об этом думать не обязана. Нет никакой нужды нагружать мой измученный мозг решением таких проблем.

– Война может подождать, – говорю я.

Он усмехается.

– Кто ты, и что ты сделала с Кайлой Старблэйд?

– Я ее злой двойник. – Закрыв глаза, я лгну ближе к нему, прижимаюсь всем телом к его телу. Даже во сне я чувствую изнеможение и усталость. И опустошенность, словно я сама, как мои персонажи, потратила все силы на сражения.

В некотором роде так оно и есть. Я только что проиграла Битву за Авторские Права, и утром понедельника наступает День Д, в который мне нужно предоставить своему редактору итоговый вариант рукописи.

Я еще не закончила вносить в него правки. Вообще-то даже не начала.

– Тебе никогда не убедить меня в том, что ты злая, – говорит Вален с игривыми нотками в глубоком голосе, – однако твою красоту стоило бы объявить преступной.

В обычных обстоятельствах от подобных приторных из-

лияний меня бы стошнило. В отличие от Кайлы, у меня отношений нет. Никогда не было и, вероятно, не будет. Откровенно говоря, я не хочу отношений. По крайней мере, с настоящими людьми.

Вален – другое дело. Я создала его, чтобы любить (ну и потому, что один из негласных законов подросткового фэнтези требует наличия романтической линии). И помимо обязательных для романтического героя качеств я наделила его всем, о чем только могла мечтать. Я не могла не полюбить его, потому что иначе не сумела бы убедительно выписать Кайлу и то, как она в него влюблялась. А еще я могу его любить потому, что он безопасен. И недосыгаем.

Совершенный плод моего воображения.

Скомканный матрас подо мной шевелится. Я открываю глаза и вижу, как Вален приподнимается на левом локте и нависает надо мной. В тот же миг моя грудная клетка становится тонкой и хрупкой, будто способной в любой миг расколоться под натиском буйно забившегося об нее сердца.

Осознанные сновидения учат подмечать закономерности: повторяющиеся знаки, события, действия людей. Вален снился мне предостаточно, но такого рода близости между нами раньше не случалось. Обычно мне нужны по крайней мере три стопки текилы, прежде чем я смогу хотя бы задуматься об обмене слюной. Поэтому – или по ряду менее явных и более мрачных причин – мне сложно представить поцелуи с ним. Может быть, так мое подсознание не слишком

изящно мне на что-то намекает.

На что именно – я не представляю. Вален склоняется ко мне, его губы вот-вот коснутся моих. Мои разум и тело оцепенели. Разрешить ему?

Я *хочу* этого?

Новый отдаленный рев разрушает чары, раскалывает волшебство и кошмарную тяжесть момента. На звук откликается гулкий медный голос сигнального рога.

Вален вскидывает голову и смотрит на восток, будто глядя сквозь холстину палатки прямо в небо, откуда спускается дракон. Я не могу видеть сквозь ткань, но знаю, что происходит, потому что сама это написала. Я знаю все об этом вымышленном мире, но, очевидно, до сих пор не знаю саму себя. Пользуясь тем, что Вален отвлекся, я осторожно выкручиваю тело Кайлы из-под него.

– Цендрион вернулся из дозора. – Он перекатывается на край койки и встает. Одеяло соскальзывает со стройного мускулистого тела воина. Пока он одевается, я не отвожу глаз. Может, я и не поддаюсь желанию, даже во сне, но наслаждаться видом это не мешает.

Он бросает на меня косой взгляд.

– Ты собираешься вставать?

«Нет», – хочется мне ответить, но слово застревает в горле. Несмотря на крайнюю осознанность, не я сижу за штурвалом этого сна. События развиваются, как бы остро мне ни хотелось обратного. Если дать им ход, я, возможно, получу

заряд вдохновения, способный вытолкнуть меня из творческого кризиса.

Я нахожу на земляном полу штаны и рубашку Кайлы и быстро одеваюсь. Собираюсь последовать за Валеном к выходу из палатки, но он меня останавливает.

– Нельзя, чтобы нас увидели вместе в такую рань, – шепчет он. – Тебе нужно перенестись.

Я подавляю раздраженный стон. Как и все обитатели созданного мною мира, Кайла владеет магией. Однако мне так и не удалось обуздать ее силу, даже в самых осознанных снах. Сколько бы я ни писала о системе магии в мире Солеры, я не представляю главного – как управлять той энергией, что течет здесь в каждом живом существе. Я не знаю, какие части мозга за это отвечают, какие мышцы должны сокращаться.

Отмахнувшись от слов Валена, я пытаюсь его обойти.

– Неважно.

Он встает у меня на пути, широкоплечий и на голову выше.

– Я – главнокомандующий этой армии.

– А я – Светоносица, – парирую я почетным званием, которым наделили Кайлу воины.

– Мелкая сошка в лучшем случае.

Черт. Этот диалог не так уж плох. Может, я все-таки внесу немного правок. Добавлю его в начало пятой книги. Пусть даже у моей команды и редактора вопросы только к развязке.

– Клянусь, никто не обратит внимания на то, что мы вме-

сте, – говорю я.

– Даже если не обратят – хотя они обратят – и даже если ты за ночь вдруг передумала беспокоиться о своей репутации, мой долг – оберегать тебя. Наши отношения – предмет разногласий. Военный суд ищет любую возможность наказать тебя. Не дари им ее.

Я скорбно усмехаюсь. Он говорит чистую правду. Очень в духе книги. Очень в его духе. Как автор всей истории я согласна с ним, даже если во сне это вызывает раздражение.

– Ладно. – Проще будет перестать спорить. – Встречаемся на восточном склоне.

Вален пристально разглядывает меня с нечитаемым выражением на лице.

– Ты сегодня какая-то другая.

– В хорошем смысле другая или в плохом?

Он едва заметно приподнимает уголки губ – характерная почти-что-улыбка, его фирменное выражение.

– Отвечу сегодня вечером.

– То есть свидание.

Лицо у него смягчается, он дарит мне редкую настоящую улыбку. И ныряет под полог палатки навстречу утру.

Крепко зажмурившись, я пытаюсь волевым усилием оказаться на холме, пробую заклятие переноса. Без толку. Магия не приходит. Всем моим переживаниям о собственной беспомощности в жизни, отношениях и работе понадобилось проявиться и в этом сне.

Я отказываюсь от магии, смирившись с провалом, и прислушиваюсь к суматохе снаружи. Солдаты скоро выстроятся в очередь на завтрак на дальнем краю лагеря, измотанные вчерашней битвой и жаждущие горячей пищи. Я шагаю вглубь палатки, приседаю около койки, приподнимаю уголок холщовой стены. Дожидаюсь, пока все уйдут, и выскальзываю на улицу. Земля, влажная после грозы и истоптанная ночными дозорными, скользит под ногами холодной грязью. Сырость, что пробирается под мою хлопчатую рубашку, совершенно как настоящая. Этот сон невероятен.

Настроение у меня улучшается, как только я принимаюсь шагать на восток, вытирая ладони о штаны выверновой кожи, обычную одежду Кайлы. Я протискиваюсь в зазор между земляных столбов вокруг палаток и поднимаюсь на холм, примыкающий к границе лагеря. Ветер приносит нежные птичьи трели, а чистое розовеющее небо обещает прекрасный денек. Ничего общего с теснотой, грязью и тяжестью Нью-Йорка.

Раньше я любила этот город. Любовь померкла, как и многие другие хорошие вещи в моей жизни. Теперь его нескончаемый шум только ездит мне по нервам. Угрюмые здания маячат вокруг, будто тюремщики, обступаящие меня всякий раз, как я бреду по улицам. Я слишком измотана, чтобы выносить буйство неона, слишком устала, чтобы ценить красоту мегаполиса, которую когда-то замечала.

Но в сновидениях мое сердце до сих пор колотится от эмо-

ций, которые жизнь отжала из моей души. Сейчас я на Солере – в мире, судьбу которого я леплю по своей прихоти, – и вот-вот встречу с любимым персонажем.

Взбираясь на травянистый склон одновременно с солнцем, я не могу сдержать слезы, набегающие на глаза. Наверху, сверкая в золоте восхода, стоит Цендрион: воин, герой и друг.

И, помимо прочего, дракон.

В снах о драконах нет ничего необычного – черт, да на них выстроена моя карьера – но сегодня что-то в Цендрионе трогает меня сильнее, чем когда-либо прежде. Лучи солнца превратили его тело, покрытое белой чешуей, в ограненный алмаз. Аметистовые глаза сияют безмолвной поддержкой. Он меня понимает. Он знает мою душу не хуже, чем я – его.

Ну, по крайней мере, то, что от нее осталось. Цендриона преследует его прошлое, неласково к нему и будущее. Я сплела его судьбу с судьбой главного злодея моего мира: лорда Залора, жестокого тирана, развязавшего Войну Теней.

Обратившись к этому злодею, мои мысли будто темнеют, и радость внутри затягивает грозowymi тучами.

«Убей любимых». Есть такая присказка в нашей издательской сфере. Применительно к книгам это означает отказ от привязанностей. Для меня же смысл в ней другой.

Я ужасно обошлась с Цендрионом. Непростительно ужасно. Меня захлестывает желание попросить прощения у него, у всех моих персонажей. Вален уже здесь, как и лучшие дру-

зья Кайлы. Ашер Брайтстоун, человек, и Рекса Фейлорин, оборотень, стоят бок о бок, глядя на меня.

– Вовремя, – говорит Рекса. В естественном облике она похожа на человека, но в ее теле смешались черты разных созданий. Покрытые темной шерстью ноги переходят в чешуйчатый торс, усеянный пятнами, как у питона. Чешуя плавно превращается в кожу ближе к человеческому лицу с тонкими чертами, которое она неприязненно кривит. – Ты что, ползла сюда прямо по грязи?

Я не нахожу слов. Я заморожена великолепием костяных рогов Цендриона, возносящихся по обе стороны его головы изящными изгибами. От теплой улыбки Ашера у меня ноет в груди.

– Мои любимые, – шепчу я, упиваясь их красотой. Обрамленные изумрудной зеленью пышных равнин, на фоне древних мраморных склонов Вестпорта, эти четверо кажутся мне самыми прекрасными созданиями из всех, что я видела. Это семья, в которой я всегда нуждалась. Друзья, каких я никогда не знала.

У меня есть друзья в настоящем мире – да, есть, – но их небольшое число все сокращается. Такова жизнь сломленного, ущербного человека, который не силен в общении и сам создает себе проблемы.

Разумеется, Кайла написана с меня. Она и есть я, а я – это она. Но я – еще и все остальные мои персонажи. Я в каждой травинке на этом холме. Я солнце. Я вселенная. Я никогда не

чувствовала этого так явно, как сейчас, здесь, в этом необъяснимом, разбивающем сердце сновидении.

Я открываю рот, собираюсь сказать что-нибудь пронзительное и поэтичное, достойное творца, говорящего со своими дивными, совершенными, обреченными творениями.

Прежде чем я успеваю вымолвить хоть слово, Цендрион испускает крик боли. Он встает на дыбы и бьет крыльями, так что я вижу смутную фигуру позади него и рукоять кинжала в его бедре.

Черт. Катись оно все к черту! Это первый серьезный сюжетный поворот пятой книги. Лорд Залор подослал убийцу к Кайле и ее друзьям в отместку за Битву при Вестпорте. Какая же я бессовестная засранка, что об этом забыла!

Мои персонажи разом приходят в движение. Пока Цендрион разворачивается к нападающему, Рекса сгибает кошачьи ноги в боевой стойке. Она призывает морфомагию и в мгновение ока обращается в грозного тигра. Кожа и чешуя порастают рыжей с полосками шерстью, а вот янтарные глаза остаются человеческими и горят жадной кровью.

Вольтомагия с треском рождается вокруг Валена, и тот швыряет сине-белый разряд в убийцу. Ашер, воинские таланты которого заключаются во владении оружием, одним плавным движением достает, кладет на тетиву и поджигает стрелу. Однако противник слишком умен. Он призывает темномагию и исчезает в вихре теней, делая чары и стрелы бесполезными.

Цендрион яростно озирается и раздувает ноздри, будто надеясь отследить движения теневика по запаху. Из его раны струится кровь, обегая чешуйки на левой задней лапе, но он не обращает на это внимания.

– Лети к целителям, – прошу я дракона, размахивая руками. – Кинжал был смазан ядом.

Глаза-самоцветы теперь смотрят на меня.

– Как ты узнала?

«Я это написала». От стыда язык наливается свинцом, и я не могу вынудить себя произнести признание вслух.

– Мы не закончили, – говорит Вален. – Цендрион, возвращайся в лагерь и бей тревогу – и загляни к целителям, пока будешь там. Старблэйд, готовь защитные чары.

Отдавая приказ, он даже не глядит на меня, сдержанный и отстраненный. Озирается по сторонам, высматривая любые следы наемника.

Я стискиваю зубы. Меня вдруг одолевает злость – не на Залора, а на себя. Какой нужно быть идиоткой, чтобы потратить такое утро на сцену с покушением? Я настолько увязла во мраке, что не заметила простого великолепия момента. Почему было не написать побольше об аромате травы, укрытой росой? О сиянии чешуи Цендриона? Об ощущении кожи Валена рядом с моей?

Убийца возникает прямо передо мной, выныривая из теней и обретая телесную форму. Я замахваюсь на него, потому что без магии Кайлы больше ничего не могу сделать.

Он уворачивается, выхватывает еще один отравленный клинок и вонзает его мне в грудь.

– Лорд Залор шлет вам поклон, – шипит мне в ухо.

Меня никогда не ранили в настоящем мире. Я описывала ужасные ранения, но, не испытав этого на себе, я не могу знать, как ощущается удар клинка. Он не может мне приниться.

Но он мне *снился*. Рукоять кинжала торчит между вторым и третьим ребром. Нестерпимая тяжесть разливается вокруг лезвия, впившегося в мое левое легкое. Я пытаюсь и не могу вдохнуть. Убийца словно высосал из меня весь воздух.

У меня шок. Может ли шок наступить во сне? Я не знаю. Мне должно быть ужасно больно, и, полагаю, так оно и есть, но мой мозг не может обработать эту боль.

«В моей книге такого не было».

Дурацкая мысль мечется у меня в сознании. Это сновидение и без того не следовало сюжету романа – а теперь события окончательно сошли с рельс. Страх путает мысли, туманит зрение. Вспыхивает дремавший прежде инстинкт выживания. Ничего я не желаю так сильно, как спрыгнуть с этой шальной взбесившейся карусели.

Яростный жар приводит меня в чувство. Ноздри обжигает запах озона, Вален призывает сверкающий сгусток вольтомагии и швыряет в теневика.

Дымящийся труп оседает мне под ноги, но кинжал по-прежнему погружен в мою плоть. Я шатаюсь, колени у меня

подгибаются. Я падаю на землю и лежу так, уставившись в безразличное, пустое лицо теневика.

Холодно. Сколько крови я потеряла? Нисколько, ведь это сон. Но мне случилось терять много крови, и ощущения похожи: головокружение, тошнота, шок. Боль тоже подтягивается, повисает где-то на краю взбаламученного рассудка, но я не способна ее осознать, потому что у меня шок, у меня *шок*, и все это больше не приятное приключение, и я хочу проснуться, хотя и ненавижу реальный мир, *я хочу проснуться...*

Друзья Кайлы окружают меня, зовут на помощь. Кто-то выдергивает кинжал, и плотину прорывает поток ощущений. Я корчусь в агонии, она сдирает с меня кожу и запускает когти прямо в нервы. Кажется, что с каждым вдохом меня снова пронзают клинком.

Вален склоняется надо мной. Зажимает рукой мою рану, перекрывая поток зараженной крови.

– Хочу проснуться, – выдавливаю я слова из опустевших легких, чтобы заставить подсознание меня услышать.

– Целители с живоманией скоро будут здесь, – шепчет Вален. – Оставайся со мной.

Яд разливается по телу, я дергаюсь и корчусь. И жду момента, когда мир привычно накренится и выбросит меня обратно в мою тоскливую квартирку в Сохо, заваленную грязной одеждой и коробками от еды недельной давности. Мышцы сводит, спина выгибается, но кошмар все не отпускает.

Я снова пытаюсь заговорить, но уже проваливаюсь в темноту. Перестаю воспринимать окружающий мир, воспринимать *что-либо*. Забвение подступает ко мне, прозорливое и бескрайнее, и больше оно не обещает покоя. Теперь это смыкающее зубы чудовище, грозящее проглотить меня целиком.

Крик умирает у меня в горле. В душе разгорается ужас. Я погружаюсь в бездну, и в сознании трепещет последняя мысль:

«Почему я не просыпаюсь?»»

Глава 2

Мои веки вздрагивают, и меня наполняет разочарование. Я проснулась, а значит, придется иметь дело с реальностью во всем ее безобразии. Не то чтобы я особенно наслаждалась своим кошмаром с его суровой концовкой, но, если честно, все же предпочла бы его однообразной повседневности.

Вытащить себя из постели. Спать турку с кофе. Протращиться в айфон десять часов кряду, откладывая работу с рукописью. Обругать себя ленивым бесполезным ничтожеством.

– Она приходит в себя. Мы успели остановить действие яда, слава Оуре. Все обработали полынью, прежде чем закрывать ткани, так что будет как новенькая. Придется полежать денек-другой, но она полностью восстановится.

Я чувствую, что хмурюсь. Чей это голос? Я живу одна.

– Благодарю вас, целитель Фарроу. Дальше мы сами.

Еще один голос, знакомый, но не вполне... это Эрик? Быть не может. Я не видела Эрика несколько месяцев, не находя в себе ни сил, ни желания выходить из дома. Связь я тоже поддерживаю бездарно. Наша переписка теперь состоит в основном из грустных мемов и жалоб на зеленую ветку метро.

– Кайла? – Тот же мягкий голос выманивает меня из туманного места между сном и явью. Мои глаза приоткрыва-

ются.

«Невозможно», – думаю я, хотя сердце у меня подскакивает. Отравленный кинжал не вышвырнул меня обратно в реальность. Это все еще сон.

– Ашер, – шепчу я.

В его бесхитростных ореховых глазах мелькает облегчение. Он до ужаса напоминает моего лучшего друга из настоящего мира, Эрика Сэмьюэла. Ашер написан с него, так что это закономерно. Загорелая кожа, зачесанные назад темные волосы и очки в золотистой оправе кажутся такими восхитительно родными. Даже низкий голос звучит похоже.

Ашера оттесняет в сторону большая белая голова, покрытая чешуей. Форма черепа напоминает скорее о лошадях, чем о крокодилах, а острые уши по бокам от рогов только дополняют впечатление, – и все же его облик бесконечно утонченнее, чем у любого прозаического земного существа.

– Почему ты не призвала защитные чары? – рычит Цендрион.

По драконьим меркам он не очень крупный – два с половиной метра от кончиков когтей до плеч, да чуть больше метра шеи – но выглядит при этом грозно. Клыки, каждый с мой палец длиной, блестят в беззвучном оскале. Любой другой отпрянул бы в испуге, но только не я. Драконов я обожаю с детства. Когда мой дебютный роман угодил в список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс», я прославилась как Главный Эксперт по Драконам на Земле.

– Я не могу призывать магию, – отвечаю я, не подумав.

– Вот уж сомневаюсь, – тянет еще один голос.

Рекса шлепается на край койки рядом со мной, отпихивая мое ноющее тело. Полы темно-зеленого плаща, под которым она скрывает свое настоящее обличье, подметают утоптанную землю лекарской палатки.

Надеясь увести разговор от собственной персоны, я смотрю на Цендриона. Спрашиваю:

– Как твоя рана? – Палатка слишком маленькая, чтобы вмещать дракона целиком, так что задняя часть его тела торчит снаружи, за холщовым пологом на противоположной стенке. – Ты бы лучше отдышал.

Он пренебрежительно фыркает носом.

– Просто царапина.

– *Отравленная* царапина...

– Меня залатали так же, как и тебя, – перебивает он. – Не осталось даже шрама, чтобы хвалиться.

Я округляю глаза и тянусь рукой к груди. Мои пальцы шарят за воротом рубашки и встречают только гладкую кожу.

– Ого, – бормочу я. – Удивительно.

Одно дело – писать о даре живомгии у целителей, способных воздействовать на тело так, чтобы выздоровление шло легче и быстрее, и совсем другое – самой поправиться благодаря их навыкам. Рана, которая на Земле заживала бы, пожалуй, несколько месяцев, здесь, на Солере, исчезла за часы.

Рекса наклоняется и стучит чешуйчатými костяшками мне по макушке.

– Что с тобой сегодня такое? От яда память отшибло?

Я пожимаю плечами. Из-за терпкого запаха настойки полыни, упомянутой целителем Фарроу, у меня кружится голова. Мозг работает вполсилы. Нет, не так – он работает втрое интенсивнее обычного, но потоков мыслей слишком много, и все они вот-вот смешаются.

Ашер бросает взгляд на Валена, замершего у выхода из палатки.

– Может, стоит снова позвать целителя?

– Не надо, я в порядке.

Последнее, что мне сейчас нужно, – это чтобы рядом копошился какой-нибудь врач и портил мне сон.

«Если это сон».

Внутри у меня что-то искрится и трепещет. Разумеется, это моя фантазия номер один – попасть в магический мир. Я провела годы, *десятилетия*, мечтая провалиться в место, которое окажется мне по душе. Я умоляла вселенную вырвать меня из моей никчемной реальности и унести меня к другой, лучшей жизни. В которой можно быть счастливой.

Пусть я и не вполне нормальная, но все-таки не сумасшедшая. Я знаю, что такого случиться не может. И все-таки мои грезы еще ни разу не были настолько восхитительно, всепоглощающе убедительными.

Почему бы не насладиться ими, пока возможно? За ис-

ключением удара кинжалом, я всегда только об этом и просила. Тем более, мне, в общем-то, незачем просыпаться – меня не ждет ничего, кроме правок (заниматься которыми я все равно внутренне не готова).

От мысли об этом в животе у меня ворочается стыд, но я не в силах породить идеи, пока мозг отказывается сотрудничать. Правкам придется подождать. Перспектива проспять день напролет, нежась в излюбленных фантазиях, намного заманчивей.

– Лорд Залор посылает убийц, а значит, он напуган, – звучат фоном рассуждения Валена. – Нам нужно закрепить успех новой победой. Как только Кайла поправится, можно будет выдвинуться к Торвелу и...

– Нельзя. – Я резко сажусь. – Идти на Торвел – плохая идея.

Вален вопросительно изгибает бровь.

– Вчера ты превозносила этот план. С чего такая перемена?

– Я... у меня свои источники. От него придется отказаться.

– Это же точно Кайла Старблэйд? – интересуется Рекса. – А не двойник, сброшенный Залором, чтобы расшатать наше войско изнутри?

Ее сухой тон не сочетается с напряженно нахмуренным лбом. Пухлые губы плотно сжаты; янтарные глаза смотрят пристально. Меня переполняет нежность, разбухает пузы-

рем внутри. Это знакомое выражение принадлежит моей кухне Линдси, бывшей мне почти что сестрой. Именно она стала прообразом Рексы.

Пузырь подрагивает, угрожая лопнуть. Я не злой двойник, но и не героиня, достойная доверия и любви моих персонажей. Знай они настоящую меня – знай они, что я собираюсь сделать, что я уже сделала, – они бы со мной не церемонились.

Я поджимаю губы.

– В общем, э-э, мне нужно вам кое-то рассказать насчет войны. Прежде всего, я больше не могу заклинать магию.

– Сейчас не время для шуток! – рычит Цендрион. – Потеряв тебя, мы потеряем все.

К моему ошеломленному восторгу примешивается тревога. Если я застряну в теле Кайлы, неспособная управлять ее силой, мир Солеры обречен.

Отыгрывать ее роль здорово, но пришло время проверки на реальность. Осознанные сновидения меня этому научили. Я знаю несколько способов отличить сон от яви, но простейший из них – «тест на руке». Раскрыв левую ладонь, я пытаюсь проткнуть ее правым указательным пальцем. Во сне, если сфокусироваться на желании, палец может проходить прямо сквозь руку.

Однако моя кисть остается непроницаемой. Сосредоточенно нахмурившись, я настойчиво тыкаю снова, но добиваюсь только того, что чувствую боль.

– Кайла? – Голос Ашера отвлекает меня, и я вздрагиваю. Краем глаза замечаю, что мои персонажи беспокойно переглядываются.

Я напрягаюсь и щиплю себя, как стереотипная мультяшка. Впившись ногтями в кожу, стискиваю их так сильно, что на левом запястье проступает алая капелька крови. Внутри меня плещутся волны адреналина, поднятые болью, но я по-прежнему сплю.

Или бодрствую.

По спине у меня бегут мурашки. Сон это или галлюцинации от плохой текилы, у любых действий будут последствия.

– Я не шучу, – шепчу я подрагивающим голосом. – У меня нет магии.

– Тебя не затруднит объяснить? – спрашивает Ашер.

– Прозвучит безумно.

– Весь этот день безумен, – отзывается Рекса. – Дерзай.

Я балансирую на тончайшей грани, не в силах решить, чему верить. Если все это не по-настоящему, то неважно, как я поступлю. Можно бессовестно тянуть время и наслаждаться игрой, пока позволяет подсознание. Рано или поздно я очнусь от этого прекрасного кошмара в безопасности, в тоске и в своем обычном теле.

Но если есть ничтожная вероятность того, что все *по-настоящему*...

Я треплю одеяло, пропуская грубое полотно между пальцев. На письме слова текут из меня с грацией лепестков, плыв-

вущих по реке, а вот в устной речи что-нибудь всегда идет не так. Я или говорю слишком много, или говорю не то, или волнуюсь и не могу выразить мысли. А потому давно выработала хитрую стратегию – избегать разговоров, когда это возможно.

Увы, от этого разговора мне, кажется, не уйти.

– Ладно. – Я чувствую себя так, будто ступаю на хрустящий лед, и начинаю осторожно и осмотрительно: – Все в этом мире рождаются со способностью заклинать магию. Вы... *мы* называем источники магии разными именами в разных краях, но общепризнано, что это всегда – наши души.

Для солериан это как объяснять, что дважды два равняется четырем. Но я и не пытаюсь объяснять это им, я пытаюсь хотя бы что-нибудь осознать сама. Если все по-настоящему – а именно так я воспринимаю это ради всеобщего блага, – то как, черт подери, я сюда попала?

И почему?

В любом вымысле есть «почему». Этим он и отличается от реальности: вымысел обязан что-нибудь значить. В историях страдание имеет смысл, оно развивает сюжет или персонажей. На Земле страдание бессмысленно. У него нет назначения, нет высшей цели. Жизнь просто перемальвает тебя, превращая в жалкое подобие тебя же прежнего.

– Кайла?

Обращение выдергивает меня из круговерти мыслей. Все в комнате не сводят с меня глаз.

– Представьте, что есть другой мир, – медленно и неуверенно продолжаю я. – Параллельная вселенная, если хотите.

Ашер морщит нос, точно так же, как Эрик.

– Еще разок, что?

– Иные ученые полагают, что всякий раз, как совершается выбор, вселенная ветвится, – вступает Вален. – Бессчетные параллельные вселенные сосуществуют в квантово-магической суперпозиции, все – отличные друг от друга, потому что люди в них принимают разные решения.

Меня ожидаемо пробирает восторженный трепет. Обожаю, когда он выражается научно.

– Я слышала об этой теории, но тут кое-что другое.

– Ты имеешь в виду вселенную, не связанную с нашей?

Слава богам Солеры, что я создала этого человека гением! Вопреки тому, что мне недостает умения говорить, он уловил мой посыл.

– Да. Вселенную, где люди рождаются без магии.

Вален прищуривается.

– То есть бездушными?

– Нет... ну, я не знаю.

Понятие души на Земле куда более размыто. Здесь же ее наличие – научно доказанный факт. Душа – бесплотная часть солерианина, чистая энергия. Которая и связывает всех живых существ этого мира, позволяя им призывать и укрощать стихийные субатомные силы.

– Предположим, что у людей в той вселенной тоже есть

души, только другие, – снова заговариваю я. – И еще предположим, что они могут взаимодействовать с вашей вселенной.

Рекса мрачнеет.

– Ты, наверное, хотела сказать «нашей».

Я не реагирую на ее замечание.

– И неким странным, волшебным, квантово-научным образом – дальнодействием, или еще как-нибудь – кто-нибудь из той параллельной вселенной может запускать события здесь. Порой хорошие, но, э-э... в основном плохие.

– Кайла, – рокочет Цендрион. Я кривлюсь, услышав имя. – У меня не получается не гадать, к чему ты сейчас ведешь.

Я подавляю смешок. Да, стиль мой всегда избыточен. Дурная привычка. У нас с редактором случаются зрелищные баталии на эту тему.

– Представьте, что в той вселенной живет параллельная версия Кайлы. Она знает все, что знает Кайла... точнее, она знает все о вашем мире, от законов природы до того, что вы сейчас думаете.

Ашер и Рекса снова подозрительно переглядываются. Цендрион поводит перепончатыми, как у летучей мыши, крыльями. Лицо Валена окаменело, но в грозовых серых глазах бушует ураган.

Все их реакции до смешного просто понять.

– Ты, – указываю я на Рексу. – Ты считаешь, что все это сплошная белиберда. Мы пытаемся победить в самой важной войне в истории Солеры, а я попусту трачу время и веду

себя как помешанная, пока Залор там убивает людей.

Она скрещивает на груди чешуйчатые руки.

– Не нужно читать мысли, чтобы о таком догадаться, Кайла.

Опять это имя. Как ножом под ребра. Мне кажется, что я лгу им, хотя сама изо всех сил стараюсь рассказать правду, которую они способны усвоить.

– Ты, – обращаюсь я к Цендриону, – думаешь, что я ломаюсь под давлением событий. Ты боишься, что такова моя расплата за участие в войне, потому что тебе известно, как дорого дается слишком долгое погружение во мрак.

Зрачки Цендриона становятся тонкими, как ниточки. В обширной груди раскатывается недовольное ворчание.

Стиснув губы, я смотрю на Валена.

– Ты тоже обеспокоен, потому что знаешь, что мои слова не противоречат науке. Ты знаешь, что, если та вселенная может взаимодействовать с вашей, может вмешиваться в историю вашей, это грозит вам опасностью. И ты знаешь, что я никогда тебе не солгу.

Речь о Кайле, но это применимо и ко мне самой. Я не стану лгать своим любимым. Не стану их ранить.

Мне приходится не обращать внимания на тихий голосок в глубине сознания, напоминающий о том, что я уже непоправимо их изранила.

– И ты, – наконец протягиваю я руку к Ашеру, жестом и доверительным, и умоляющим. – Ты добрейший человек

в этом мире. Ты даешь людям шанс, даже если они его не достойны. Ты выслушаешь все, что я должна сказать, и не испугаешься, потому что в какие бы нелепые неприятности я нас ни втягивала, я всегда нас из них выручаю.

Ашер берет мою ладонь, и меня овевает печаль. Я не помню, когда в последний раз касалась руки своего настоящего лучшего друга. На Земле я не такая прямая, честная и мягкая. Я давно замкнулась в себе; мое сердце истощилось от нехватки человеческого тепла.

– Я бы обошелся без некоторой доли неприятностей, – признает он, – но ты нас еще ни разу не подводила.

Мои губы трогает улыбка. Старый добрый Ашер.

– Ты мне доверяешь? – спрашиваю я.

– Конечно.

– И не причинишь мне вреда?

Он ободряюще сжимает мои пальцы.

– Никогда.

– И никто из вас не причинит, – настаиваю я, окидывая взглядом палатку.

– Мы никогда не причиним вреда Кайле Старблэйд, – отзывается Вален леденящим кровь голосом. – Но ты ведь не Кайла Старблэйд, верно?

Кожа у меня покрывается мурашками.

– Верно, я – не она, – признаю я пересохшими губами. – Я – ее создатель.

Глава 3

Следующие три часа длятся вечность, мои персонажи вцепляются в меня, как бешеные псы, требуя невозможных объяснений. Хотя мои знания об их мире всеобъемлющи, я постоянно запинаюсь и путаюсь. Мне тяжело выносить недоверчивый оскал Цендриона. Я в одном неверном ответе от нападения Рексы. Под взглядом блестящих тревогой глаз Ашера меня бросает в дрожь от стыда.

Вот именно поэтому я и избегаю людей. Межличностные взаимодействия – сплошная боль. Я уже готова заползти в темную нору и впасть в анабиоз на десяток лет, чтобы выспать весь едкий адреналин, бурлящий внутри.

– Ну что, сдала? – наконец спрашиваю я, пытаюсь пошутить.

– Я верю, что ты не желаешь нам зла, – отвечает Ашер, опережая остальных. Из моих мышц вытекает напряжение, и я откидываюсь на подушки.

– Она бы не смогла нам навредить, даже если бы желала, – замечает Цендрион. В его голосе, глубоком, ровном, с нотками напевного драконьего говора, нет ни гнева, ни подозрительности. Только мягкость. И безнадежность. – Она не может заклинать.

– Сомнительное утешение. К тому же это грозит нам смертельной опасностью, – говорит Вален, приковывая меня к

месту ледяным взглядом. – Кайла Старблэйд единственная во всем войске способна одолеть лорда Залора. Наша стратегия освобождения занятых Тенью земель держится на ее светомагии. Если Залор узнает, что она исчезла, ничто не сможет удержать его от осады столицы и захвата элдрианского трона.

– Можешь не утруждать себя объяснениями, спасибо. Я буквально всю книгу на этом построила.

От напоминания о Земле мои персонажи хмурятся. Неодобрительная гримаса Валена намекает, что он не прочь и дальше меня отчитывать. Прежде чем он продолжает, я собираю все свое самообладание и добавляю:

– Я завела вас в опасную ситуацию, но я все исправлю.

– Как? – спрашивает Цендрион.

В самом деле, как? Мне не победить в Войне Теней. Заняв тело Кайлы, я затушила в нем всю магию.

Я вдыхаю, и меня отрезвляет смесь запахов: терпкие пары полынной настойки, глубокий аромат сырой земли, тонкие нотки магии. Будь это книгой, ответ оказался бы однозначным и простым. Я бы отправила персонажей в героический поход на поиски способов спасения мира.

В сердце у меня зарождается тепло, растекается по телу. Все ведь *и может* быть простым. Да, я сама признаю, что бездарно справляюсь с проблемами на Земле, но здесь... здесь у меня в руках фантастические, иномирские орудия. Знания. Магия. Друзья.

Мои легкие наполняются предвкушением, живот сводит от беспокойного восторга. Решительно кивнув, я сажусь по-ровнее.

– Я верну Кайлу.

– Повторюсь, – настаивает Цендрион. – Как?

Во мне кружит вихрь полудозревших мыслей. Я не сильна в составлении планов, но здесь меня это не остановит. Сбросив одеяла, я вскакиваю на ноги.

– Мне нужно поговорить с драконами. Если кто и знает ответы, так это они.

Впервые с момента, когда я раскрыла свою личность, со мной никто не спорит. Я мысленно возношу благодарственную молитву богине-матери Оуре.

Настроение становится еще лучше, пока наша разношерстная компания шагает к восточной границе лагеря. Вокруг меня живет и дышит Солера. Цельная, осязаемая, *настоящая*.

Последнее, впрочем, по-прежнему не доказано, признаю. Но все выглядит настоящим, звучит по-настоящему, пахнет по-настоящему, а значит – может настоящим считаться. Что такое реальность, как не совокупность воспринимаемых ощущений? Пока я воспринимаю все как реальное, буду этого и придерживаться.

– Посторонитесь, пожалуйста, – обращаюсь я к группе дозорных, выпятив грудь и с важным видом направляясь к морфомагическим вратам, мерцающим позади них. – Нам нуж-

но вернуться в Мидгард.

На самом деле права раздавать воинам приказы у Кайлы нет. Она считается силой специального назначения и подчиняется напрямую главнокомандующему Смертного Союза – Валену. Привет, конфликт интересов.

Дозорные ждут подтверждения от Валена. Он коротко кивает, и они отходят, давая нам приблизиться к передвижным воротам, ведущими в столицу Элдрии.

– Капитан Изрин, – обращается Вален к главе дозорных. Голос у него резкий и напряженный. – Отправьте сообщение генералу Праксусу; на нем будет командование в мое отсутствие. Залор отвел свои силы, но нам необходимо укрепить аэромагические щиты вокруг Вестпорта и удвоить число стражников в дозоре.

Изрин кланяется и вскидывает левую руку, на мизинце которой поблескивает серебристое связное кольцо. Пока мы проходим мимо, она уже негромко наговаривает в магический передатчик приказы Валена.

Я воздерживаюсь от упоминания того, что Залор к этому моменту сюжета занят другими делами, уже планируя новое нападение. Войско будет в безопасности все время нашего отсутствия.

Врата в Мидгард – лишь едва заметное искажение, тонкий разрыв в полотне пространства-времени, лишенный объема и массы. Он тянется между двумя передвижными пограничными столбами из металла. В туманной глубине врат про-

ступают сияющие очертания огромного города. Я шагаю из Вестпорта в столицу, преодолевая семь сотен миль одним движением и нежась в мягком покалывании тайной магии, обтекающей мое тело.

На площадь у Императорского дворца я выхожу почти вприпрыжку. Поднимаю голову и шурюсь, восхищаясь величием постройки. Беломраморные стены мерцают в закатных лучах. Круглые башни возносятся в небо, пронзая низкие облака. На крепостных стенах восседают каменные горгульи, извергающие струи воды, что разлетаются туманом, так и не достигая земли.

И все же, как бы изумителен он ни был, я отворачиваюсь от дворца и иду через многоярусную мощеную площадь к золотым воротам, ведущим в самую столицу. Вдали высятся Мидгардские горы, тонущие в жаркой летней дымке.

Это блаженство. *Такое* блаженство. Нормально ли настолько радоваться? Внутри пузырится ребяческий восторг. Этот шквал серотонина лучше любого алкоголя.

У меня не было зависимости, нет. Я просто искала что-нибудь, способное дать мне... в общем, способное дать мне *вот это*. Счастье, чистое и незамутненное. И ничего не находила (хотя текила оказалась ближе всего), так что никогда не пила один и тот же напиток дважды.

– Сколько драконов сейчас обитает в горах? – Я стараюсь казаться спокойной и деловитой, но голос срывается от нетерпеливого предвкушения.

– То есть твой всезнающий создательский мозг не в курсе? – глумится Рекса.

Эта характерная для нее реакция греет душу, мои губы растягиваются в улыбке.

– Нет, ведь это уже не часть моей истории. Этот мир начал меняться, как только я вселилась в Кайлу.

Тьфу. Звучит так, будто я какой-нибудь гнусный дух. Я не вселялась в нее. Я не знаю, как еще это назвать, но знаю, что все не так просто.

Глаза Рексы вспыхивают золотом в вечернем свете.

– То есть ты признаёшь, что отняла ее тело.

– Я уже миллион раз сказала, что ничего не отнимала. Все вышло случайно.

Однако будь у меня возможность сделать такое специально – перенести свою душу с Земли на Солеру, чтобы жить в теле своей главной героини, – я бы сделала это без промедления.

– Хватит цепляться, Рекса, – просит Ашер. Как посол войска, он обязан выполнять роль посредника. Если где-то начинается ссора, Ашер с ней разбирается.

– Поверить не могу, что ты купился на ее брехню, – отвечает Рекса, пока створки ворот сами распахиваются на магических петлях, являя взору городской пейзаж. – Выгуливаешь эту пиявку по нашей столице как ни в чем не бывало. А если она вражеский оборотень, проникший в наши ряды?

– Откуда врагу столько о нас знать?

– Ах, отличный вопрос. Вот если бы мысленной воле Залора подчинялись демоны, способные обращаться тенями и подслушивать тайные разговоры, это бы все объяснило. Ой, погоди-ка...

– Даже реши я обманом проникнуть в ваши ряды, – перебиваю я, – делать это вот так, признаваясь в том, что я из другого мира, было бы самой нелепой идеей. К тому же тебе известно, почему я не могу быть оборотнем.

Едва договорив, я осознаю, что переступила черту. Тело Рексы звенит от напряжения, как туго сжатая пружина. Мы уже за воротами дворца, и меня бросает в дрожь от мысли о том, как будет выглядеть перебранка двух воинов в глазах горожан.

Рекса – боец во всех смыслах этого слова, прямо как Линдси, но с той я не ругалась уже много лет. Она давно перебралась в Чили, чтобы отыскать свою настоящую семью. Воссоединившись с матерью и сестрой, Линдси решила остаться за рубежом и преподавать. Из-за такого расстояния мы вскоре сильно отделились друг от друга.

Рекса надвигается, и меня окатывает волной воспоминаний. То, как она прищурилась, как у нее щеки покраснелись от переживаний... я словно смотрю на свою кузину. Когда я в последний раз сподобилась на видеозвонок Линдси? Не могу вспомнить.

– Что тебе известно об оборотнях? – тихо и ядовито шипит Рекса.

Я сглатываю, стискивая кулаки так, что ладони потеют.

– Я... я знаю, что ты последняя.

Рекса кривит губы и рычит.

– Не могу даже предположить, зачем тебе эта мутная игра, но рано или поздно ты проколешься, и вот тогда...

Она проводит когтем себе по шее.

Между нами вклинивается Ашер.

– Я не допущу ни малейшей угрозы общественной безопасности. – Из боевого пояса, который он смастерил сам из выверновой кожи и наделил таким множеством секретов, что Бэтмен бы обзавидовался, Ашер достает крошечный пузырек. За стеклом блестит кислотно-зеленая жидкость. – Ты знаешь, что это такое?

– Душегуб, – говорю я не задумываясь. – Не смертельный, но опасный яд. Попадая в кровь, он вырубает жертву, а кроме того, не дает заклинать, пока полностью не выведется из тела.

Ашер кивает.

– Я без колебаний применю его, если мне покажется, что ты опасна для себя или окружающих, однако до сих пор ты не давала мне повода не доверять тебе.

Рекса криво ухмыляется, но, к счастью, молчит. Он продолжает:

– Уверен, что все мы хотим, чтобы все стало по-прежнему, включая... – Ашер осекается, странно косится на меня. – Мы до сих пор не знаем твоего имени.

– Будет проще, если вы продолжите называть меня Кайлой.

Он хмурится.

– Это кажется неправильным.

– Она права, – говорит Цендрион, плавно шагающий позади. – Это вопрос государственной безопасности. Залор не должен узнать, что с Кайлой что-то случилось.

Я оглядываюсь через плечо и коротко улыбаюсь ему. Он не отвечает.

Это, вкупе с не отводящей убийственного взгляда Рексой, омрачает мое настроение. Надо было врать и притворяться Кайлой. Я бы справилась. Если бы только придумала лучшее объяснение – такое, что не настроило бы моих любимых против меня.

Мы шагаем на запад битый час. Из-за войны город стал менее оживленным, но народу вокруг все равно полно. Блестящие небоскребы, возведенные благодаря магии и математике, выстроились по обе стороны наводненных толпой улиц, на прилавках вдоль которых гуляющие присматривают еду, одежду и безделушки.

Наконец мы приходим к городской стене. Мидгард угнездился на высоком известняковом утесе, окруженном рвом. Кольцо горных хребтов за рекой дополняет естественную защиту города.

Разумеется, я не представляю, как мы без навыка переноса, которым владела Кайла, сможем попасть в драконий край

в горах за разумное время. Флот зачарованных воздушных кораблей Мидгарда рассеян по нескольким фронтам, а на пеший переход по мосту и восхождение на склоны уйдут часы.

Я замираю прямо за воротами, а вот Вален шагает вперед и резко оборачивается, пронзая меня ледяным взглядом.

– Что ж, это я не продумала, – приходится признаваться мне. – Я не могу перенести нас к драконам.

– Да, но ты можешь их призвать.

Вот как. Очередная проверка. Он хочет понять, что еще я знаю.

Хрустнув шейей и скрывая усмешку, я обхожу Валена и приближаюсь к краю утеса.

– Без магии получится не совсем то, но можно попробовать.

Я купаюсь в легком ветерке, который прилетает с реки, треплет мою одежду и облаком вздымает распущенные волосы. Солнце садится за западные пики гор. Высокое небо бороздят разноцветные сверкающие существа: драконы высматривают в воде и на холмах вечернюю трапезу.

Все мои тревоги тают. Чистая, беззаботная радость делает меня головокружительно легкой, будто перышко. Вот он, предел моих мечтаний, – эта красота, эти виды, эти чувства. Я знаю, что на кону, я *знаю*, что сошла с ума, но вопреки всему этому... я счастлива.

Прошла вечность с тех пор, как я была счастлива в последний раз.

– *Дракри, кемратэ а'иос!* – Охваченная азартом игры, я скидываю руку Кайлы, указывая на группу из шести парящих драконов. – *Весерэй ршинра авес те'ои!*

В моем голосе не слышны отзвуки чистой магической энергии, которые должны окрашивать слова Кайлы, когда она говорит на драконьем наречии. Тем не менее интонации и произношение безупречны. Я подчеркиваю раскатистые «Р» и справляюсь с напевным ритмом языка.

Ашер округляет глаза. Его я определенно впечатлила, а вот Рекса – образчик надменного презрения: скрестила пятнистые руки, отставила мохнатую ногу и топает когтистой ступней.

Удача на моей стороне. Сине-серая красавица снижается, приковав ко мне пронизательный взгляд. Я уделила особое внимание каждому дракону в своей книге, так что сразу признаю в ней Темерес. Наделенная умом, сверхъестественным даже для чрезвычайно умных драконов, она одна из немногих взяла на себя труд выучить элдрианский.

Удобная возможность развить эту новую сюжетную линию. Подозрительно удобная, пожалуй.

– *Темерес, тенерей гаэрсас арем евос арканос!* – кричу я.

Драконы не склонны знаться со смертными, которых считают грубыми и жестокими, но для Кайлы Старблэйд они сделают исключение. В ней течет та же сила, что и в них, и они чтят эту магическую связь.

Как и ожидалось, Темерес закладывает вираж и замедля-

ет полет. Я отступаю, давая ей место для приземления. Она садится передо мной, запуская жемчужные когти в трещины на каменистой земле. Тяжелые перепончатые крылья поднимают крошечные пылевые вихри, темная чешуя отликает сапфирами в закатных лучах. За ней тянутся запахи угля и минералов. Подчеркнутые неопишным ароматом магии, плотной и живой.

Я прижимаю правый кулак к сердцу и кланяюсь. Я не подлизываюсь – во всяком случае, сознательно. Это подобающее поведение. Рядом создание вчетверо больше меня, способное порвать меня на клочки, если сочтет необходимым. Если она не заслуживает моего почтения, то никто не заслуживает.

– *Люксабрия*, – приветствует она меня, используя драконью форму слова «светоносица». – *Куорас эндрат инквиостеос?*

– Ты не возражаешь, если мы перейдем на элдрианский, чтобы мои друзья могли участвовать в беседе? – Я указываю назад, хваля себя за сообразительность. Драконий язык у меня в лучшем случае разговорный. Я сама придумывала его для книг, но у меня под рукой была удобная шпаргалка, с которой я сверялась всякий раз, когда писала.

Темерес обводит моих спутников оценивающим взором.

– Цендрион, – рокошет она, опуская морду к менее крупному самцу. – Миновал месяц лун с тех пор, как мы виделись.

С его чешуйчатых губ слетает едва слышное рычание.

– Драконы ясно дали понять, что мне нет места среди них после происшествия с Залором.

Уверена, что я одна уловила крошечную запинку перед упоминанием так называемого происшествия. Это слово и в малой степени не передает размаха тех событий – я их описывала как поистине катастрофические.

Прозрачное третье веко, что защищает лиловые глаза Темерес, наплывает и прячется. Созвездия световых бликов мерцают на ее коже, когда она склоняет голову ко мне.

– Ты пожелала задать вопрос, касающийся тайной магии.

– Да, и я прошу тебя отнестись непредвзято ко всему, что я сейчас поведаю.

После этих слов я погружаюсь в объяснения, рассказывая о себе и своей взаимосвязи с миром Солеры. Темерес слушает, не перебивая, держась прямо и сохраняя сверхъестественную неподвижность, свойственную ее виду.

– Неделя не задалась, и мне хотелось, чтобы она поскорей закончилась. Так что я легла спать на Земле... я полагаю. Вообще-то я не помню, что именно делала, но я наверняка уснула, потому что потом буквально сразу очнулась здесь, в теле Кайлы, и подумала, что смотрю очередной сон.

Я спотыкаюсь, говоря о Земле. Моя память сбоит. Я помню, как тоскливо слонялась по квартире целыми днями, пытаюсь усадить себя за проклятые правки. А дальше – пустота. След обрывается.

Что-то я по-прежнему вижу ясно: Эрика и Линдси, свою команду в издательстве, книги. Фундамент моей личности цел, а вот архитектурные детали размылись. Я помню Нью-Йорк, но забыла свои любимые магазинчики. Я живу рядом с красной веткой, но ни одной поездки на метро не вспоминается.

Я потираю виски, пытаюсь согнать зарождающуюся от напряжения боль.

– Как мне видится, есть два объяснения. Первое: у меня случился нервный срыв. Все это галлюцинация, а вы – порождения моего подсознания.

Цендрион прижимает уши к голове.

– Я – не плод воображения какого-то человечка.

– Эх, но ведь именно так бы ты и сказал, *будучи* плодом моего воображения.

Мне отвечают молчанием и мрачными взглядами. Шутку никто не оценил.

Я откашливаюсь и спешу продолжить.

– Второе объяснение: это все по-настоящему. Вся ваша вселенная, от солнца и звезд до пыли, у меня под ногами, существует независимо от меня. Но каким-то образом я оказалась связана с Кайлой Старблэйд, и...

Я хмурюсь, осознавая противоречие, на которое наткнулась. Я связана с Кайлой потому, что она – главная героиня моей успешно продающейся серии молодежных романов. Я собрала ее судьбу и личность из лоскутков и обрывков соб-

ственных мыслей. Связь между нами возможна, только если все не по-настоящему.

Темерес задумчиво рокочет. По тому, как она опустила округлые надбровья, я понимаю, что она тоже пытается рассмотреть ситуацию со всех сторон.

– Существует множество параллельных вселенных за пределами нашей, – говорит она. – И, хотя вселенные эти никогда не соприкасаются в материальном мире, есть вероятность того, что посредством квантово-магической запутанности они могут взаимодействовать. Поскольку души состоят из молекул, покорных фундаментальным энергетическим законам, твоя земная душа и солерианская душа Кайлы могли переплестись.

– Я извиняюсь, а мы что, всерьез воспринимаем эти бредни? – встревает Рекса. – По-твоему, это скорее межпространственный дух, вселившийся в Кайлу, чем замаскированный враг?

– Да, – отвечает Темерес голосом, не допускающим возражений.

Вален все равно пытается возразить.

– И, по-твоему, это скорее чужой дух, чем по-прежнему сама Кайла? Пережитое на войне могло привести к посттравматическому расстройству, психотическим срывам и еще чему похуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.